

ЛЕВИТАН

*Ай, да посулился враг-германец
Русско войско победить...
Солдатская песня, 1914 г.*

Сосны стремятся в небо, берёзы тянутся к людям. Люди идут с осторожкой, тот, кто впереди: высокий сухопарый человек с глазами замечательной ясности – думает: «В основном лесу молиться, в берёзовом веселиться... хорошо, что ёлки здесь не растут». Лес постепенно редет. Миновав окраинный осинник, вооружённые люди выходят к посёлку.

Их трое, хотя месяц назад в отряде было двенадцать. Двое исчезли после первого ночного привала, троих потеряли, нарвавшись на полевую жандармерию в деревне где-то под Калугой, ещё четверо погибли при атаке немецкой автоколонны на трассе Орёл – Тула.

Главной задачей, поставленной партизанскому отряду в управлении НКВД по Тульской области, значилось активное противодействие наступающему противнику. Задача оказалась непростой – враг пёр моторизованными колоннами, не выключая фар даже днём, громыхая убийственным железом, гнусавя губными гармониками... А в заслон – бойцы с винтовками Лебея и коктейлем Молотова в бутылках из-под лимонада...

Сейчас, в начале октября сорок первого, в условиях неразличимости фронта и тыла, лесами северо-запада Тульщины поредевшее боевое подразделение возвращалось к месту формирования.

Встав под отливающей медью осинкой, шагавший первым командир отряда Егорьев, внимательно оглядел диспозицию. Пристанционный посёлок был тих и заманчив. Мень-

ше чем в версте вырисовывались крепкие пятистенки, за домами куковали маневровые паровозы, над головой просвистывали эвакуирующиеся на юга утки. До одури пахло свежепечённым хлебом... Егорьев вздохнул, поправил реквизированный у жандармского фельдфебеля «шмайсер», и отмашкой дал команду выдвигаться.

Несмотря на поздний вечер, в доме председателя многолюдно. Помаргивает огоньком керосиновая лампа, светит белым большая печь. Дорогими гостями сидят за накрытым столом партизаны. По центру командир – это сразу видно: спину даже за угощением не гнёт, смотрит со значением. Который справа – мелкий, ершистый, не сидит, а ерзает – а как мосластую руку за стаканом протянет, так из рукава разные картинки выглядывают; а третий, тот, что слева – круглощёкий, румяный, – устроился как на собственных именах, знай сам себе улыбается.

Сидит во главе застолья хозяин дома, немолодой мужчина, профилем – всесоюзный староста Калинин, фасом – какая-то старорежимная сволочь: один глаз смотрит прямо, второй хитро скошен. Рядом костыль и жена. Ещё у стены, на широкой лавке, гнездятся всяческие бабы, с краю – спокойненько, как при царизме! – сидит настоящий поп: ряса что платье, поверх борода венником.

Пожевав губами, председатель осторожно спрашивает:

– Ну, что там наша... Красная армия? Когда Берлин брать будем?

Неожиданно с лавки кто-то бухает: Энтот Хитлер на нас войной пошёл оттохо, что колхозы не распускают, а церкви не открывают! Уж он просил-просил...

– Это тебе, долгогривый, сам Гитлер по телефону сказал?! – взвился сидевший правее Егорьева Гошка Коцанный, бывший мелкий уголовник, по паспорту Игорь Куценко и шпана как есть. – Контррра! Да я тебе сей минут к твоему богу проездной выправлю... За Родину, за Сталина...

Крепко взяв Гошку за татуированную руку, Егорьев громко кашлянул, но сказать ничего не успел.

– В наших палестинах всё слава Богу – храм Божий функционирует исправно, – прогудел теперь явно поповский бас. – По субботам фильму крутим, по воскресеньям танцульки... а ежели надо, то и отпеть можем...

Клуб под куполом, значит, а я заместо киномеханика, понимай, человече... А здесь врачую раба Божия, пионера заблудшего...

– Кого-кого, батюшка?! – ломким фальцетом недоумённо протянул второй боец Егорьева, повёрстанный в партизаны сельский милиционер Стёпа Мальцев: богатырской силы молодец, а разумом – дитя-дитём...

В это время с печи послышалось неуверенное:

«Взве-е-йтесь кострами... синие ночи...

Мы... кхе-

кхе... пионеры... дети рабочих...»

Поп-киномеханик, кряхтя, поднялся, взял чайник, влез на печную приступочку. Скрытый до половины грузного тулова занавеской, чем-то забулькал, забормотал:

– Ну-ну, болезный... Что голосишь-то, не на субботнике, чай... На-ко, хлебни лучше...

– Вот такой у нас казус, – негромко сказал председатель. – Везли с Ленинграда в Саратов две теплушки пионеров, да одного у нас оставили. Больно хворый он, отец Василий его третий день травками отпаивает... Фельдшера-то мобилизовали...

– Товарищи! – поднялся и, как на партсобрании, грянул медью Егорьев. – В этот тяжёлый для Родины час, когда немецкий агрессор вероломно напал на нашу Советскую страну, мы все должны проявить сознательность и патриотизм. У нас тут с собой листовки, там речь товарища Сталина ну и общая диспозиция... Раздадим – сами посмотрите, что и как.

Пролетарской сознательности советскому крестьянству явно не хватало. Как-то совсем хитро председатель посмотрел одновременно на командира партизан и на божницу с закопчёнными образами и выцветшими фотографиями.

– Листовки твои... товарищ... поди, ещё летом отпечатаны! А тут осень, чему хошь, тому и верь: говорят, Ленинград уже взяли, Сталин из Москвы сбежал... Новостей нет, радио конфисковали, пропагандисты ушли... А что немцы? Немцы народ хороший, и воевать нам с ними не за что¹...

Гошка опять яростно сверкнул фиксой – и оно понятно: одной из задач, поставленных отряду в областном НКВД, было карать на месте за такие разговоры...

Останавливать противника, распространять листовки, расстреливать изменников Родины – и всё Иван Маркович Егорьев, убеждённый коммунист с 1918-го, председатель облсовета Осоавиахима до лета 1941-го.

Придержав бойца за хлястик, Егорьев выдержал паузу и в звонкой тишине уверенно сказал:

– Брехня! Не слушайте никого, бабоньки... Враг силён, но мы его остановим. Победа будет за нами!

– Скажи мне, кудесник, любимец богов, ещё раз и аргументированно, зачем мы тащим этого ханурика по долинам и по взгорьям? – пропыхтел запряжённый в волокушу Гошка, к физическому труду не привыкший и взопревший ещё часа два назад.

– Бог един, уразумей и утихни, – кротко ответил отец Василий, грузно топавший рядом с Егорьевым в арьергарде отряда. – Вы же в Тулу нацелились, а там медицина, а у него лихоманка. И все сёстры-трясавицы разом... Понимай, человец...

В авангарде с винтовкой наизготовку пёр танком Мальцев – он бы и с прицепом, не сбавляя шага мог маршировать хоть до Тулы, но сейчас его очередь смотреть в оба. В самой волокуше, упакованный в председателей тулуп, путешествовал пионер: бледный до прозрачности, горячечный и беспамятный.

¹Отдельные факты и не прямые цитаты приводятся по изданию: Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – 1941 год: Сборник документов и материалов. – Тула, 2016.

Глядя на него, Егорьев подумал, что дело, конечно, не только в медицине: не стал бы он занимать руки у половины бойцов отряда, кабы можно было спокойно оставить пацана в посёлке на печке. Но ведь кого эвакуировали из Ленинграда в первую голову? – детей партийного руководства! Председатель явный подкулачник, а с такой анкетой парню лучше немцам не попадаться. И с таким обличьем... Пионер, даже бледный от болезни, казался не по-русски смугловатым и тонколицым: что ни на есть жид, натурлих...

– Ты пойми, командир...

– Иван Маркович...

– Маркович! Оно ведь что – я его чернобыль-травой пользую. Полынь от лихomanки и трясовицы первое дело... Оно конечно – Божье древце. Да только собирать я её летом не успел толком, не до того было. А нынче не то! По осени полынь – дура...

– Ну ты, служитель культа, даёшь – траву как последнюю лахудру чихвостишь!.. Мичурина на тебя нет...

– Ты, Гоша, вперёд двигай, не тормози... Привал уже скоро. А вы...

– Василий Аполлинарьевич, ежели сказать по-мирскому...

– Да, Василий... А-а-а... Аполлинарьевич... поясните своё странное отношение к лекарственному растению.

– Полынь растение непростое! Понимай, человече... И от лихomanки, и от женской болезни помогает, и от русалок в недобрый час защитит. Только после Ильина дня больше ведьмы этой травкой пробавляются. А потом, знамо дело, демонов зрят и с чертями хорюды водят...

– Черти в Советском Союзе лишены права голоса, – негромко заметил Егорьев, не особо прислушиваясь, а больше оглядывая местность. – Привал!

Кто он? Где он? Он тот, кто отчаянно замёрз. Он там, где очень холодно. Здесь веет полынным духом, здесь берёзы растут корнями кверху, здесь всё, как у людей – и всё-таки по-другому. Это страна, которую видят закрытыми глазами, она только отчасти совпадает с очевидной Россией, и даже в Советском Союзе – сама по себе.

И зыбкие тени, и тянутся бесконечные слова телеграфными лентами...

«На Урал, на Урал! Час Суоми, час возмездия настал.
Что притихла, Москва?..»

«...Братья и сёстры!.. Храбрость воинов Красной армии беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растёт.

Вместе с Красной армией на защиту Родины подымается весь советский народ...»

«Run rabbit – run rabbit – Run! Run! Run! Bang! Bang! Bang! Bang!
Goes the farmer's gun.
Run, rabbit, run, rabbit, run»¹.

«Красная армия разгромлена! Москва взята! Сталин бежал за Урал. Фронт держат нанятые англичанами монголы».

«Augustin, Augustin,
Leg' nur ins Grab dich hin!
Oh, du lieber Augustin, Alles ist hin!»².

Через извивающиеся змеями бумажные ленты, сквозь огненные сполохи от земли до неба, подступают двенадцать разноцветных, худых, страшных тёток – мертвецки-белая, синюшная, желтушно-жёлтая... Таращат глаза, тянут руки, взмахом ладоней посылают в голову слова – бумажные самолётики... Вперёд выступает ещё одна, строгая как учительница, женщина в огненно-красном – красно её платье, красен платок на голове, решительно и требовательно лицо: она зовёт, она протягивает свиток, она подносит к глазам горящие красным слова... «Читай!»...

И кто-то тонким фальцетом кричит решительно: «Стой! Кто идёт!? Стрелять буду...»
Bang!

– Не стреляйте! Не стріляете, ми свої... Свои...

Из перелеска на поляну выступают пятеро одинаково серых людей: серые гимнастёрки, серые телогрейки, серые лица. Винтовка только у одного.

– Ну, – ворошит огонь хворостиной Егорьев, – коли свои, прошу к нашему костру. Как раз к ужину... Дезертируем?

– Какие мы тебе дезертиры, дядя, окстись! – зло хрипит детина с рябым от пороховой гари лицом.

– Хіба ми дезертири, – вторит ему ещё один, порывистый в движениях и с казацким чубом из-под кубанки. – Ми з оточення...

– Мы и окопаться не успели, а немец на нас танки пустил... Кулі відскакують, так страшно, що й не сказати як... Четвёртый день по лесу... Три дні нічого не іли... Навоєвались, хватит!.. Йдемо до дому!..

¹Беги, кролик – беги, кролик – беги, беги, беги! «Бах! Бах! Бах!

Бах!» Стреляет фермер из ружья. Беги, кролик – беги, кролик – беги (пер. с англ.; британская песня времён Второй мировой войны, иногда вместо «кролик» пели «Гитлер»).

²Августин, Августин, Ложись в могилу! Ах, любимый Августин, Всё пропало! (пер. с нем.; старая австрийская песня).

Егорьев поднимает беспощадно-стальные глаза, партизаны поднимают винтовки. И тут из завёрнутого кулем тулупа доносится шорох и слабый голос неуверенно произносит: «Совет... ского...». И, набирая силу, с металлическими ликующими интонациями грохочет:

– Говорит Москва! От Советского информбюро. Оперативная сводка... Наши войска... Пленные германские солдаты сообщают о многочисленных выступлениях партизан. Захваченный в плен нашими разведчиками солдат, шофёр автоцистерны Ганс Шмидт, рассказал о невероятных трудностях, которые приходилось преодолевать колонне автомашин, подвозивших горячее для фронтовых танковых частей.

«Каждый бугор, каждый придорожный куст, – признаётся пленный, – служил хорошим укрытием для партизан».

Поляна замерла, люди теснятся поближе к голосу, одинаково вытягивают шеи, становятся одним целым, ловят каждое слово...

– В Минском лагере военнопленных каждый день от голода и издевательств умирает несколько десятков заключённых. В городе Корма заключённые в лагерь военнопленные раненные красноармейцы содержатся в поле, под открытым небом... никакой пищи пленные не получают...

Отец Василий склоняется над рупором тулупа, бормочет:

– Пионер он из Ленинграда, юный техник... Радиолобитель... Понимай, человеке...

А над поляной, над лесом, над всей замёрзшей страной горят-гремят огненные слова:

– ...группировка противника под командованием небезызвестного генерала Гейнца Гудериана рассчитывала прорвать наш фронт... Однако действиями наших наземных войск и массированными последовательными ударами нашей авиации планы немецко-фашистского командования были сорваны. В упорных боях немецким войскам нанесены тяжёлые потери. Враг потерял более двадцати тысяч убитыми, ранеными и пленными...

– Москва говорит! Значит, братцы, стоит нерушимо столица, – режет сумрак белой улыбкой красноармеец с «Мосинкой» на плече и двумя треугольничками на вороте гимнастёрки. Берёт винтовку в руки, примыкает к стволу гранённый штык и добавляет несколько отточенных слов: – Война ещё не закончена! В этой песне мы поставим точку.

Над тлеющим костерком поднимается дым, склоняются люди. Набирают силу, встают в полный рост вечерние тени, раздвигают низкие ветки деревьев, прислушиваются:

– В Норвегии патриоты сожгли крупнейшую фабрику по переработке рыбы... Ширятся боевые действия партизан на территории оккупированной немцами Польши... Огромные потери гитлеровцев в боях с Красной армией вынудили германское командование во многих случаях снять гарнизоны из населённых пунктов и отправить их на фронт. Вместо немецких комендантов поставлены начальники из бывших кулаков, белогвардейцев и уголовных преступников... Немцами оставлен город Лихвин... Наступление...

– Приёмник, у него там, детекторный... Радио не соврёт! – объясняет белозубый сержант новому пополнению партизанского отряда, вооружённым мальчишкам в разномастной форме – не дезертирам, а окруженцам.

«И где у него там приёмник, – думает командир отряда, глядя на своего почти бестелесного громкоговорителя. – И себя-то бедолага не помнит, не то что катоды и аноды...».

Жестяные слова про доблестную Красную армию и героических партизан не греют, в зябком осеннем лесу, трудно говорить про неизбежность победы солдатам, брошенным с винтовками против танков. И пусть за спиной Первопрестольная под красными кремлёвскими звёздами, величаявая и могучая, перед глазами – тёмный лес, зыбкие тени и звёзды над головой совсем не рубиновые, но вылуженные-выстуженные, зазубренные. Со всех сторон враг, и нужно принять решение, а что делать – непонятно...

Из подзвёздного сумрака справа глухо погромыхивает чайником, горько пахнет польню, гудит простуженным басом кинематографический поп. Тени коробят ему лицо, делают чёрно-белым, и кажется – смотрит Иван Маркович какую-то фильму из другой, забытой жизни... Электротheater «Художественный» прельщает народ на Киевской; государь – стройный блондин в серой походной шинели – падает на колени перед иконами в Казанской, а над ратниками пешего ополчения полощется стяг с золотыми словами «Вторая Отечественная»...

– Я ведь из поповичей, в Господа нашего, почитай, и не верил, на службу шёл как писарь в контору: что там, да для чего – не нашего ума дело, накарябал пробубнил по писанному – и шабаш... Понимай, человеке... Как говорится, моя хата с краю, а в хате, известно, матушка завсегда ждёт, наливка к ужину...

И вот раз отслужил, выхожу из алтаря, хочу отпустить православных с Богом – а они проповеди ждут... Не было этого в заводе, а тут стих нашёл я и выдал: живите, дескать, в любви, в Христа веруйте, матерной бранью не лайтесь... Слова, как из требника... А у них лица посветлели, и вокруг будто солнышком просверкнуло...

«Ай, да врешь ты, врешь ты, враг германец,
Тебе неоткуль зайти...»

Сидя между пионером и поповичем, командир слушает и не слышит, только вспоминает, старую солдатскую песню – всё главное в немудрённых строчках, – прикидывает, что за тем самым помянутым в сводке городом – мосты через Оку, думает, что даже слова, в которые сам не веришь, другому душу правят... Если, конечно, есть в этих словах... просверк... Что такое человек без света? И что такое пехота без песен?

«Ай, да мы надеемся на Бога
На все вострые штыки...»

– Ну хватит разговоров на сегодня... Всем отбой! Как полночь минет, пойдём бить фашиста...

На улицах города хлебнувшего лиха в рассветный час бесчеловечно тихо. Людей не видно, не слышно, и собаки не брешут, и патрули по-немецки не взлаивают: «Хальт! Ру-сишь швайн...» На крыльце комендатуры разве часовой в кургузой зелёной шинели – ну, да он сам попал как свинья под нож, не взвизгнул, лёг и не поднялся.

– А ну, кто тут против советской власти?! – страшно закричал Гошка, ногой распахивая дверь и лязгая затвором.

Грохнул стул, потянулся из-за стола мертвецки-бледный офицер, зашарил рукой по ремню: «Mein Gott!» – грянулся о пол, посвистывая простреленным горлом, дёрнулся, умер.

Несколько человек с белыми лицами и белыми повязками на вздетых руках вытянулись по стенам, как перед расстрельной командой.

Выйдя на середину, поглядел на них прицельно Иван Маркович Егорьев, сказал весомо, вбивая каждое слово патроном в ствол:

– По сводкам Совинформбюро Красная армия наступает... до прихода частей Красной армии приказываю сохранить в целостности все продовольственные запасы, наладить работу хлебопекарни и бани. Для беспрепятственного движения войсковых подразделений, восстановить мост через реку Оку...

«Ай, да штык стальной четырехугольный
Грудь германскую пронзит...»

И суток не прошло – выполнили приказ немецкие ставленники, предатели родины, восстановили мост в целостности. Как посуху пошёл партизанский отряд в осаждённую Тулу – хоть малая, да подмога. Пока ещё Красная армия подоспел...

«Подоспел ли? – думает партизанский командир. – Вправду ли наступление? Взяли город без выяснения диспозиции, на одной вере – что не пристало коммунисту и командиру, ведущему за собой без малого роту...»

А перед глазами чёрным – приказ, захваченный в немецкой комендатуре, трижды по складам прочитанный, в кармане спрятанный:

«Soldaten der 2 Panzerarmee! Der Durchbruch und die Einkreisungsschlacht in der Region Orjol-Brjansk sind abgeschlossen. Die Stellungen des Feindes wurden durchbrochen... In Fortsetzung unseres Sieges müssen wir den Feind vollständig besiegen...»¹.

¹«Солдаты 2-ой танковой армии! Прорыв и битва на окружение в районе Орёл – Брянск завершены. Позиции противника были прорваны... В продолжение нашей победы нам предстоит полностью разгромить врага...». Из приказа командующего 2-ой танковой армией Гейнца Гудериана в начале немецкого наступления на Тулу (18.10.1941).

Вставай бойцы над рекой, на высоком восточном берегу, на самом крутояре, выровняли ряды. Только было скомандовал Егорьев: «Шагом арш!» как вдруг видит: выходят из-за домов к мосту стройные колонны и, не снижая темпа, в строгом порядке идут через Оку одна рота за другой, батальон за батальоном... А впереди – огненно-красное знамя...

– Равняйся! Смирно! – негромко сказал Егорьев и приложил вспотевшую ладонь к козырьку кепки. Размашистым шагом шёл на него решительный человек, помогая шагу отмашкой правой руки, зажав фуражку под мышкой левой. Торопился и не поспевал за ним комначсостав с кубарями и шпалами в разноцветных петличках.

Вот человек встал прямо перед партизанами, не торопясь надел фуражку, выровнял ладонью, отдал честь:

– Здорово, орлы! Мост – ваша работа? Д-д-добре. – Отдельные буквы в словах перекачиваются камушками, заставляют напрягать слух, вытягивать спину. – Д-д-добрый мост – благодарю! От лица всего сводного полка...

Стоит – не сдвинуть: невысокий, крепко сбитый, смоляные кудри выбиваются из-под фуражки, тонкая улыбка кривится на широком крестьянском лице, в петличках – по две шпалы. А на груди – Золотая звезда Героя Советского Союза.

– Майор Кравченко... Мой полк, б-б-брошенные своими командирами красноармейцы и пятьсот единиц обоза пробиваются на соединение с частями д-д-действующей армии... Какова боевая обстановка на д-д-данном участке?

И ответил герою не командир партизанского отряда, но громкий уверенный голос: «...Совинформбюро... На участке Южного направления фронта, под Орлом и Брянском, наши части нанесли крупное поражение войскам противника. В ожесточённых боях фашисты потеряли... Тула остановила...»

Иван Маркович, обернулся, тронул мальчишку за плечо и, подождав пока тот откроет глаза, одобрительно улыбнулся: – Левитан!

И снова по стойке «смирно» и по всей форме, уверенно:

– Так точно, товарищ майор! – Расправил плечи, скомкал в кармане бумажку с немецко-фашистскими готическими буквами. – Сейчас под Тулой германцам наступает полный... карачун. Радио врать не будет.

– Вот как?! Д-д-добре... Удержим Тулу – сохраним Москву! Кто тут местный? Выводи напрямки к оружейному городу...

Разом ударили сапоги; спянной массой герои белофинской и зелёные новобранцы, бывшие зеки и бывшие милиционеры, солдаты и партизаны, верующие и отчаявшиеся – дети одной страны выступили плечом к плечу, чтобы закрепиться, ударить, победить.

Летел над строем, распростёршись на крепких плечах, голубоглазый мальчишка, ленинградский радиолобитель, потерявшийся пионер. Летело над ним голубоглазое небо, заглядывало бездонными зрачками в потаённую до срока душу, граяло вороньей морзянкой, слало солнечные письма счастья, протягивало слова-телеграммы из заоблачного эфира.

Слова были разные. Кто-то кричал, заходясь от восторга, что русским капут, кто-то грустно бубнил, что не выстоять красным против мощи всей Европы, кто-то как заклинание повторял «Родина – Сталин – Победа».

И неотвратимо катились к Москве танки и самокатчики «быстроходного Гейнца». И не было ещё никакого наступления Красной армии осенью сорок первого...

Но оно будет, непременно будет! Откуда-то, с другого края ненаписанной ещё истории, летели фразы о срыве блицкрига, героической битве за Москву, победе русского народа – народа, где своим считается всякий, будь то украинец или узбек, пока все стоят в одном строю.

Главное – найти слова без ржавчины. Золотые слова входят в дырочки сердца, как контакты в разъёмы, и омрачённый человек видит впереди свет. И власть тьмы кончается, потому что нечем оправдаться онемевшему мраку.